

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

В.А. Невежин. Застолья Иосифа Сталина. Книга первая. Большие кремлевские приемы 1930-х–1940-х гг. М.: Новый хронограф, 2011. 560 с.

Работы В.А. Невежина, в которых анализируется такой комплексный феномен, как большие кремлевские приемы сталинской эпохи, – это, безусловно, целая новая оптическая система для разглядывания тех сегментов политического пространства, которые прежде либо игнорировались, либо рассматривались упрощенно и односторонне. К изучению этой проблемы автор обратился уже давно. За несколько лет им были изданы два сборника источников [1], а затем опубликованы отдельные статьи [2]. Итогом многолетней работы стала монография, дополненная новыми источниками. В результате в фокусе исследовательского внимания оказалась не только собственно политическая составляющая самих приемов. В книге подробно говорится и о приемах как актах автопрезентации власти, особое внимание уделяется их ритуальной стороне и ролевым функциям участников таких действий.

В постановочной части указывается на особенности застолья как своего рода «моделирующей структуры», в которой отражаются все «значимые черты политического сообщества» (с. 47). Выделяются различные по характеру и значимости застолья: обеды и ужины в кругу ближайших соратников, дипломатические банкеты и собственно большие кремлевские приемы. Автор отмечает особенную роль дружеских застолий, которые обыкновенно проходили на кремлевской квартире или на ближней даче Сталина (с. 52). Лиц, регулярно приглашаемых на такие мероприятия, исследователь называет сталинской «питейной компанией». К этому кругу принадлежали В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, Г.К. Орджоникидзе, М.И. Калинин, А.И. Микоян, В.Я. Чубарь и А.А. Андреев. Особенность таких застолий заключалась в том, что на них в неформальной обстановке обсуждались и решались важнейшие политические вопросы (с. 51–52). Отсюда Невежин делает важное заключение: воспоминания участников «питейной компании» (А.И. Микояна, а также С.И. Аллилуевой и М. Джиласа) позволяют поставить под сомнение расхожее мнение о том, что Сталин с середины 30-х гг. все реже согласовывал важнейшие решения с представителями своего окружения. Так, например, по свидетельству Молотова, часто во время застолий «вождь интересовался текущими делами и тут же, за столом, вместе с членами Политбюро ЦК ВКП(б) устраивал их обсуждение» (с. 51). То есть именно обеды и ужины ближнего круга Сталина являлись своего рода кухней принятия политических решений.

Думается, что приводимый автором материал является надежной доказательной базой и для более радикальных выводов о том неформальном сообществе, которое в исследовании обозначено как «питейная компания». Участие в застольях свидетельствовало об исключительной политической влиятельности приглашаемых к Сталину лиц. Поэтому именно те, которые занимали ключевые посты в советском государстве, обычно и становились членами «питейной компании», а не наоборот. Но возможности, определявшиеся статусным цензом, требовавшимся для вхождения в этот неформальный

«клуб», не шли ни в какое сравнение с тем уровнем, который обретали участники застолий. Следует особо подчеркнуть, что сборы «питейной компании» способствовали сплочению и раскрепощению сталинских соратников, стимулировали формирование между ними более или менее доверительных отношений – притом, что доверительность эта была весьма условна. Наконец, анализируя то, что происходило во время сталинских застолий, можно приблизиться к пониманию реальных взаимоотношений между вождем и его ближайшим окружением, оценить уровень «коллегиальности» при обсуждении тех или иных вопросов и принятии по ним решений. Другое дело, что из-за скудости заслуживающих внимания сведений произвести такую реконструкцию чаще всего невозможно. Но важно уже хотя бы то, что книга позволяет вплотную приблизиться к подобной проблемной постановке.

Предшественники Невежина сформулировали набор необходимых требований, предъявляемых, по их мнению, Сталиным к соратникам. Сюда отнесены личные и психологические качества, организаторские способности, внешний облик и физические данные (с. 23). Автор добавил в приведенный перечень качеств еще один критерий – принадлежность к «питейной компании». Участие в застольях являлось, по мнению исследователя, одним из важнейших условий для вхождения в сталинскую эрзац-элиту. Хотя, как представляется, это утверждение нуждается в более детальном проговаривании. Автор просто отталкивается от утверждения о причастности того или иного деятеля к «питейной компании», а уже далее взвешивает его влияние и делает вывод о существовании эрзац-элиты. Но указанная схема представляется уязвимой. Здравый смысл, понятно, требует по умолчанию признать каждого участника «питейной компании» влиятельным лицом. Но совпадало ли усиление влиятельности того или иного функционера с попаданием в «питейную компанию»? В чем конкретно проявлялась отмеченная синхронность – если, конечно, она имела место?

Большие приемы – события совершенно иной природы. Если застолья вождя представляли собой своего рода квазиколлегиальный орган управления и являлись властным эпицентром сталинской системы, то большие приемы были типичными политтехнологическими или пропагандистскими акциями, проводившимися в Большом Кремлевском дворце регулярно в 1930-е гг. и во время Великой Отечественной войны. Гостями больших приемов становились представители советской партийной, государственной, военной, научно-технической, интеллектуальной и культурной элиты. Их число доходило до полутора-двух тысяч человек. Эти приемы устраивались для участников первомайских и ноябрьских парадов, организовывались во время декад национальных искусств (украинского, таджикского, грузинского, казахского и др.), в честь военных деятелей и по иным поводам. Всего при Сталине, по подсчетам Невежина, состоялось 47 приемов. Об их исключительном значении для властных механизмов режима свидетельствует хотя бы такой особо отмеченный автором факт, что с мая 1935 по май 1941 гг. был проведен 41 большой кремлевский прием и состоялось всего 14 партийных форумов (пленумов ЦК, партийных съездов и конференций – всего вместе, с. 382).

В соответствии с ролевыми функциями участников приемов Невежин выделяет три основные группы. К первой относились Сталин и его ближайшее окружение – «хозяева» банкетов. Интересной находкой автора стал выявленный им своеобразный завуалированный рейтинг фигур из ближнего окружения Сталина. Этот рейтинг основан на газетных отчетах о банкетах в Кремле. В них сидевшие за одним столом с вождем назывались не в алфавитном порядке. По мнению Невежина, здесь применялся «номенклатурный» принцип (с. 139). Стенографические записи, на основе которых составлялись газетные отчеты, предварительно редактировались Сталиным, то есть именно он определял порядок, в котором перечислялись его сотрапезники. Показатели рейтингов сведены автором в таблицу. В соответствии с ней первые места в иерархии неизменно принадлежали членам «питейной компании» – соответственно Молотову, Ворошилову и Кагановичу (с. 139-140).

Автор проследил некоторые связи между участием в банкетах и продвижением по карьерной лестнице. Так, например, Н.И. Ежов по мере своего возвышения начал получать приглашения на приемы. Первый раз он присутствовал на банкете 13 августа 1936 г. – за неделю до начала громкого процесса «объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Как отмечает Невежин, приглашение стало своего рода благодарностью Ежову за подготовку этого дела (с. 147-148). В 1937 г., когда карьера Ежова достигла апогея, он переместился с восьмого на пятое место в рейтинге. И наоборот, когда глава НКВД начал

терять свои позиции, в «правдинском» отчете о банкете 17 апреля 1938 г. он уже упомянут девятым (с. 172).

Представляется, что рейтинг можно было бы дополнить другими оценочными критериями. Например, посчитать, с какой частотой произносились тосты за тех или иных деятелей, а также проанализировать их содержание. Например, на приеме 2 мая 1933 г. Сталин не просто провозгласил тост за Ворошилова, но назвал его «лучшем учеником Ленина». Также, возможно, рейтинговая картина могла бы стать более адекватной реальному положению лиц из верхнего слоя элиты, если бы при ее составлении учитывалась частота их упоминаний в печатных СМИ.

Другой категорией участников банкетов были «гости». Несмотря на то, что «хозяева» обладали несопоставимо более значительным политическим весом, для спектаклей требовались зрители – они же участники массовки. Кстати, выделенная автором общность «гостей» может быть разделена на две подгруппы. К первой относились «звезды» – авиаторы, устанавливавшие рекорды, выдающиеся военные деятели и т.п. Эти лица получали возможность подкрепить свой авторитет в глазах коллег, присутствовавших на банкете, а также в масштабах всей страны – через газетный отчет о кремлевском приеме. Во вторую подгруппу входили менее выдающиеся «гости». Среди них были преподаватели военно-учебных заведений, жены и сослуживцы «звезд», рядовые партийцы [3]. Они восхищались Сталиным, достижениями «звезд», успехами страны.

После выделения обеих подгрупп возникает закономерный вопрос: как менялось положение «гостя» из второй подгруппы – рядового участника приема, побывавшего «у самого Сталина»? А это уже целое самостоятельное направление дальнейшего развития темы. Еще одно направление – изучение восприятия банкетов как самими «гостями», так и простыми советскими гражданами. Проблематизация этого вопроса уже пунктиром намечена автором – в книге приводятся цитаты, иллюстрирующие степень популярности приемов в военной среде. Приглашение в Кремль на прием 8 ноября 1939 г. вызвало «исключительный подъем» – особенно у тех представителей этой корпорации, которые имели основание – в силу своего происхождения – не ощущать себя вполне «своими». В частности, комдив Ф.П. Шафалович отметил, что очень рад тому доверию, которое «стали оказывать старым преподавательским кадрам Академии Генерального штаба РККА», а Н.П. Шварц при вручении ему приглашения заплакал от радости и «бросился целовать секретаря парторганизации» (с. 202).

К третьей группе – «исполнителей» – Невежин относит артистов, выступавших на приемах. Как правило, к участию в концертах допускались только лучшие певцы, музыканты и танцоры. Вождь принимал непосредственное участие в составлении программ банкетов. Репертуар концертов был обширным и разнообразным. Анализ привлеченных автором источников подтверждает мнение Е.С. Громова, что «простенькая мелодия “Сулико”» не была «пределом музыкального восприятия» вождя (с. 18-19). Кандидатуры исполнителей предварительно одобрялись Комитетом по делам искусств СНК СССР, а также проверялись органами НКВД (с. 324). Несмотря на жесткий контроль, звезды советской сцены, имевшие «неподходящих» родственников (эмигрантов, репрессированных или принадлежавших по происхождению к бывшим «эксплуататорским классам»), все же могли быть допущены к участию в кремлевских концертах, если их талант перевешивал неумолимые доводы классового подхода. Когда Сталину сообщили о том, что на солиста Большого театра И.С. Козловского собрано целых «два мешка компромата», он достаточно резко заявил в ответ: «Хорошо, мы посадим товарища Козловского, а петь кто будет – Вы?» (с. 232).

Автор делает вывод, что торжественные публичные инсценировки прежде всего служили «средством представления авторитета», а также давали возможность носителям власти «осознать свое место» в структуре управления (с. 25). «Исполнители» способствовали театрализации действия. В книге вообще уделяется много внимания ритуалу и этикету больших кремлевских приемов. Ссылаясь на исследования по истории презентаций, Невежин подчеркивает, что церемониалам свойственны высокая степень стандартизации, стилизации и повторяемость (с. 25). Отсюда – стремление автора выделить и систематизировать характерные «церемониальные черты» банкетов. Все приемы, замечает исследователь, были организованы в соответствии с особыми правилами. Для того чтобы попасть в Большой Кремлевский дворец, приглашенные проходили особый контроль на пропускных пунктах. Места «хозяев» и «гостей» в зале строго регламентировались. После

рассадки «гости» еще некоторое время ждали появления вождя и его ближайших соратников (с. 249). Сталин всегда появлялся первым, а за ним – члены его «питейной компании». Реакция гостей обыкновенно была бурной: «гром аплодисментов», «продолжительные овации», «крики “ура”». И.Д. Папанин вспоминал: «Я дрожал от волнения. Радость переполняла мое сердце» (с. 250-251). Особый этикет, по мнению Невежина, имел место и во время застолий. Приемы вел тамада, предоставляя слово членам Политбюро и приглашенным для тостов и речей. Причем сам Сталин никогда не выступал первым. Обязательным было присутствие сотрудников органов НКВД, бдительно следивших за происходившим действием. Если кто-то нарушал этикет (начинал слишком громко говорить, выпивал лишнего), то его сразу выводили из зала.

Приведенные в монографии факты свидетельствуют о том, что главный герой приемов – Сталин – аккуратно поддерживал определенный имидж, однажды на себя примеренный, а затем транслировавшийся на протяжении многих лет. С одной стороны, вождь обычно держался достаточно скромно, выглядел просто и доступно, нередко разговаривал с участниками банкетов по-свойски, даже намеренно принижал себя [4]. Хотя, как отмечает Невежин, намерения приглашенных поговорить со Сталиным, равно как и простые движения в направлении стола, за которым находились вождь и его ближайшее окружение, как правило, пресекались. С другой стороны, Сталин не позволял опускать планку: никогда не злоупотреблял алкоголем, не допускал панибратства с пришедшими на прием. В книге упоминаются два случая, когда Чкалов прерывал застольную речь Сталина. Оба раза вождь резко осадил летчика (с. 271-278). Вместе с тем он охотно демонстрировал чувство юмора, гостеприимство, был «приветлив и сердечен» (с. 279), но никогда не выступал в роли тамады.

К сожалению, собрав колоссальный и чрезвычайно информативный материал о больших кремлевских приемах, автор подчас ограничивается лишь его изложением без каких-либо концептуальных обобщений. Возможно, это вызвано тем, что некоторые из таких обобщений были высказаны им в прежних публикациях [5]. Однако представляется, что какие-то из уже опубликованных выводов было бы нелишне повторить и в анализируемой монографии. Во всяком случае, при чтении книги возникает стойкое убеждение, что презентация канонического образа верховной власти являлась одной из главных функций банкетов. К тому же с помощью подобных мероприятий Сталин стремился продемонстрировать тесную связь с военной, промышленной, научной и технической элитой [6]. Приемы прославляли героизм летчиков, полярников, трудовой энтузиазм работников промышленности и сельского хозяйства. Можно поэтому заключить, что они должны были демонстрировать единство всего советского общества, его консолидацию вокруг вождя. Банкеты создавали впечатление близости Сталина к людям и одновременно поднимали статус приглашенных, чем стимулировали их на новые подвиги и трудовые свершения, вызывая невероятную радость от личной встречи с лидером («присутствующие <...> немели от восторга», с. 257). В свою очередь побывавшие на приемах тиражировали образ «доброе и справедливое вождя» и распространяли полученные «из первых уст» и адресованные всей стране идеологические метки.

Проведение декад национальных искусств вообще и приемов в их честь в частности должно было доказывать правильность сталинской культурной политики и способствовать укреплению многонациональной союзной государственности. Декады проводились от имени и под непосредственным контролем созданного в начале 1936 г. Комитета по делам искусств при СНК СССР. Большинство из них, как отмечает Невежин, готовилось в максимально сжатые сроки и нередко при непосредственном руководстве московских культурных деятелей. Декады, а затем и приемы, их завершавшие, были призваны продемонстрировать «расцвет национальной культуры» и «единение» народов.

В последнем разделе исследования анализируются некоторые известные речи вождя – «таджикская речь», речь о «наступательной» Красной армии и тост о вкладе русского народа в победу. Особо хотелось бы выделить именно последнее выступление. Автор проводит скрупулезный анализ этой знаменитой речи на кремлевском приеме 24 мая 1945 г. Сначала излагается историография этого тоста. Затем вариант сталинского выступления, традиционно используемый исследователями (из газетного отчета) сравнивается с двумя другими версиями, обнаруженными исследователем: исходной стенографической записью и ее же вариантом, отредактированным Сталиным. Невежин, в частности, доказывает, что первоначально лидер советского государства признал ошибки руководства и командования

в первые годы войны. Потом, по всей видимости, не захотев чрезмерной откровенности, он вычеркнул эти строки (с. 340-341). При перечислении качеств русского народа вождь употребил оборот «крепкая спина», но затем, очевидно, решил, что такая характеристика «слишком откровенно выдает его мысли» – подводит к выводу, что в экстремальных условиях войны советское руководство «выехало» на «спине» русского народа. Такого рода уточнения, отмеченные Невежиным и дополнительно проиллюстрированные материалами других источников, представляют знаменитую речь Сталина в совершенно ином свете. Кроме того, исследователь разбирает вопрос о том, какой отзыв получили слова вождя у советских людей и какие «политически-идеологические последствия» они имели (с. 367). Автор приводит многочисленные высказывания, свидетельствовавшие о реакции общества на сталинские слова, о влиянии речи на национальные настроения и о том, какие политические коррективы она повлекла за собой (с. 368-380). Так, например, работник Комиссии по сортоиспытанию зерновых культур Баев заявил, что если бы такую речь произнес кто-либо другой, то его тут же обвинили бы в «великодержавном шовинизме» (с. 370). А учительница А.П. Протопопова утверждала, что русский народ, услышав этот тост, «буквально плакал от наплыва чувств, от гордости и радости» (с. 377). То есть сталинская здравица была воспринята неоднозначно.

Книга В.А. Невежина представляет собой серьезную и удачную исследовательскую попытку вывести изучение политической истории на качественно новый уровень. Прибегнув к инструментарию, которым обычно оперирует семиотика, автор нашел верный ключ к постижению многих закрытых прежде для рассмотрения и адекватной интерпретации нюансов функционирования идеократической советской властной системы.

Примечания:

1. *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина. Документы и материалы. М., 2003; *Он же.* Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. М., 2007.

2. *Он же.* Большие кремлевские приемы Сталина (1930-е – начало 1940-х) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 56-70; № 4. С. 123-139.

3. Так, например, гостями приема, посвященного Дню Военно-морского флота (27 июля 1939 г.), стали не только представители командного состава, но и простые артиллеристы, минеры, торпедисты, а также слушатели военно-морских учебных заведений, судостроители (с. 205).

4. На заявление В.П. Чкалова о готовности умереть за Сталина тот ответил: «<...> я вам советую <...> не ставить себе задачу умереть за кого-либо <...> особенно за стариков, вроде меня» (с. 275).

5. См. упомянутую выше работу В.А. Невежина о больших кремлевских приемах: Отечественная история. 2005. № 3. С. 56, 61, 62.

6. Там же. С. 62.

О.Ю. Голечкова
исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова

V.A. Nevezhin. Joseph Stalin's Feasts. First Book. Kremlin Big Parties of 1930–1940s. M.: Novyy Khronograph, 2011. 560 p.

O.Yu. Golechkova